БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

№ 3 МАРТЪ 1906

ПЕТЕРБУРГЪ

891.8
S816
No. 947.005
BY
no. 3-4
ср. 2

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. 1-е марта—3-е апрѣля 1881 года. *(Петербургъ 25 лѣтъ тому назадъ).* **В. Я. Богучарскаго** 1
2. Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III . 33
3. Событіе 1-го марта и Н. К. Михайловскій. **В. Я. Б.** . . 38
4. Событіе 1-го марта и Н. В. Шелгуновъ. **Н. Р.** 41
5. Событіе 1-го марта и Влад. С. Соловьевъ. **П. Щ.** . . . 48
6. Событіе 1-го марта и Л. Н. Толстой. **А. Хирьякова** . . 56
7. Изъ рѣчей на судѣ А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича и С. Л. Перовской 62
8. Мой арестъ въ 1881 году. **М. Н. Тригони** 76
9. А. И. Желябовъ. *(Отрывки изъ воспоминаній).* **И. П. Бѣлоконскаго.** 78
10. Воспоминанія о С. Л. Перовской. **Софьи Ивановой** . . . 83
11. Арестъ Н. Г. Чернышевскаго. **М. А. Антоновича** 90
12. Дѣло Н. Г. Чернышевскаго. *(По неизданнымъ источникамъ).* **М. К. Лемке** 95
13. Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. *(Очеркъ изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей).* Окончаніе. **В. И. Семевскаго** 151
14. Пестель предъ Верховнымъ Судомъ. Продолженіе. **Н. П. Сильванскаго** 206
15. Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1880—1884 гг. **В. С. Панкратова** 236
16. Шлиссельбургская узница Людмила Александровна Волкенштейнъ **В. Н. Фигнеръ** 239
17. Къ біографіи А. В. Ухтомскаго. 252

Slavic 28 ou 69

стр.

18. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки**. Письмо В. К. Кюхельбекера къ А. С. Пушкину—285. Всеподданнѣйшее донесеніе о казни декабристовъ—232. Къ исторіи полицейской агентуры въ Россіи—205. Толпа. Стих. И. С. Тургенева—147. Изъ бумагъ взятыхъ у Чернышевскаго при арестѣ—233. На смерть Шевченко. Стих. Н. А. Некрасова—204. Н. А. Морозову. Стих. А. Ольхина—258. Заявленіе А. И. Желябова отъ 2 марта 1881 г.—61. Письмо А. И. Желябова къ М. П. Драгоманову—71. Къ портрету А. И. Желябова—74. Инструкція для заключенныхъ въ Шлиссельбургской тюрьмѣ 149
19. Документы для исторіи Общества Краснаго Креста партіи Народной Воли 288
20. Историческая библіографія (**Джорджъ Кенанъ**. *Сибирь и ссылка.—Процессъ 193-хъ. Изд. В. М. Саблина.—Записки декабриста кн. Трубецкого. — Процессъ Вѣры Засуличъ.*—**Н. П. Карабчевскій**. *Дѣло Сазонова.*—**Ular A.** *Die Russische Revolution. Berl.* 298
21. Отъ Шлиссельбургскаго комитета 311
22. Современная лѣтопись 313
23. Объявленія 332

Въ этой книгѣ помѣщены портреты: С. Л. Перовской, Н. И. Кибальчича, И. І. Гриневицкаго, Т. М. Михайлова, А. И. Желябова, М. Н. Тригони, И. П. Емельянова, Н. И. Рысакова, Г. М. Гельфманъ, Ю. Н. Богдановича (Кобозева), Н. А. Саблина, А. В. Ухтомскаго.

Шлиссельбургская узница

Людмила Александровна Волкенштейнъ.

* * *

Не на волѣ широкой—подъ сводомъ тюрьмы
Мы впервые съ тобой повстрѣчались...
Въ тѣ тяжелые дни, когда съ жизнію мы
Предъ суровою карой прощались...
Было мнѣ въ эти дни не до новыхъ людей:
Жизнь прошедшая мнѣ рисовалась...
Проходилъ предо мной рядъ погибшихъ друзей...
Братство славное ихъ вспоминалось...
Съ этимъ братствомъ несла я тревоги борьбы...
Ему силы свои отдавала...
Неудачи, измѣны, удары судьбы
До послѣдняго дня раздѣляла...
Но союзъ нашъ, борьбою расшатанный, палъ...
Неудачи его сокрушили:
Безпощадно судъ смертью однихъ покаралъ,
Въ равелинѣ другихъ схоронили...
И пришлось въ день разсчета одной мнѣ предстать,
Съ грустнымъ взоромъ, назадъ обращеннымъ...
Среди новыхъ людей одинокою стать,
Съ думой тяжкою, съ сердцемъ стѣсненнымъ...
Мудрено-ль, что тебѣ, какъ подругѣ чужой,
Равнодушно я руку пожала?!.
Жизнь кончалась, и темная ночь надо мной
Свой туманный покровъ разстилала...
И не думала я, что съ тобою войду
Въ эти стѣны дѣлить одно бремя...
Что въ тебѣ я опору и друга найду
Въ безразсвѣтное, мрачное время...

Шлиссельбургъ, 1893 г.

Это стихотвореніе посвящено мною Людмилѣ Александровнѣ Волкенштейнъ, съ которой въ первый разъ я встрѣтилась 24 сентября 1884 г., въ Петербургѣ, въ залѣ Суда, а разсталась въ Шлиссельбургѣ, 23 ноября 1896 г., послѣ 12 лѣтъ жизни въ этой крѣпости. Наша встрѣча на судѣ была слишкомъ мимолетна, чтобъ

*

я могла вынести опредѣленное впечатлѣніе отъ личности Л. А. На скамьѣ подсудимыхъ мы сидѣли далеко другъ отъ друга и не могли перекинуться ни единымъ словомъ. Только разъ, послѣ даннаго подсудимымъ «послѣдняго слова», намъ, тремъ женщинамъ, судившимся по этому процессу (Волкенштейнъ, Чемодановой и мнѣ), удалось въ корридорѣ привѣтствовать другъ друга. Эпизодъ убійства князя Крапоткина въ Харьковѣ, по поводу котораго Л. А. была привлечена къ процессу 14-ти, по времени и дѣйствующимъ лицамъ, не имѣлъ никакой прямой связи съ остальными судившимися. Въ самомъ дѣлѣ, участники этого убійства (Кобылянскій, Зубковскій) было осуждены уже давно, а главное дѣйствующее лицо, Гольденбергъ, еще ранѣе покончилъ съ собою въ Петропавловской крѣпости, какъ о томъ въ свое время донесъ Исполнительному Комитету Клѣточниковъ, служившій помощникомъ дѣлопроизводителя въ III-мъ Отдѣленіи, а съ преобразованіемъ его, въ той же должности въ департаментѣ полиціи. Участіе въ дѣлѣ убійства Крапоткина было единственнымъ обвиненіемъ противъ Л. А. и основывалось на показаніи Гольденберга, разсказавшаго во время своего предательства, что Волкенштейнъ была посвящена въ его намѣренія относительно харьковскаго губернатора и вмѣстѣ съ Гольденбергомъ, Кобылянскимъ и Зубковскимъ отправилась изъ Кіева въ Харьковъ, гдѣ наняла конспиративную квартиру, въ которой совѣщались и укрывались заговорщики. На судѣ, кромѣ показаній умершаго Гольденберга, были прочтены старыя показанія горничной, якобы признавшей въ предъявленной ей карточкѣ Волкенштейнъ—ту самую особу, которая нанимала вышеупомянутую квартиру. Самой свидѣтельницы на судѣ не было. Улики были не велики, но Л. А. не желала скрывать свои убѣжденія: она открыто признала свое полное сочувствіе террористической дѣятельности партіи Народной Воли, свое полное участіе въ дѣлѣ Крапоткина и заявила, что вернулась изъ-за границы съ цѣлью отдать свои силы на дальнѣйшую дѣятельность партіи въ томъ же направленіи. Надо замѣтить, что раньше, чѣмъ Гольденбергъ былъ арестованъ осенью того же 79 г., въ которомъ былъ убитъ Крапоткинъ, Л. А. эмигрировала и возвратилась въ Россію лишь осенью 1883 г. и чрезъ самое короткое время—въ сентябрѣ того-же года была арестована въ Петербургѣ, выслѣженная сыщиками, повидимому, еще въ Румыніи, гдѣ она передъ тѣмъ жила.

На судѣ Л. А. не имѣла защитника, отказавшись отъ таковаго по принципу. Военный судъ, щедро назначавшій смертную казнь, приговорилъ къ ней и Л. А. По прочтеніи приговора, судьи, по разсказамъ одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ разговорахъ между собой цинично говорили: «Однако... мы ей закатили!» Присяжный повѣренный Леонтьевъ 2-й тщетно предлагалъ Л. А. подать кассаціонную жалобу въ Сенатъ: она отказалась отъ этого наотрѣзъ. Однако, вѣроятно, въ виду полной несоразмѣрности этой кары, смертная казнь была замѣнена

Л. А. 15-ю годами каторжныхъ работъ. 12 октября 1884 г. изъ Петропавловской крѣпости ее увезли въ Шлиссельбургъ. Мать и мужъ Л. А., случайно опоздавшіе пріѣхать въ Петербургъ ко времени суда, тщетно хлопотали, чтобъ имъ дали проститься съ нею. Этого утѣшенія они не добились. Л. А. не видала и своего единственнаго сына, Сергѣя, оставленнаго ею въ 79 году 2-хъ-лѣтнимъ ребенкомъ на попеченіи отца и бабушки. Эти обстоятельства все время составляли предметъ горькихъ воспоминаній Л. А.

По привозѣ въ Шлиссельбургъ Л. А. и меня помѣстили вдали другъ отъ друга, на противоположныя стороны тюрьмы, не задолго предъ тѣмъ открытой (въ августѣ 1884 г. [1]). Сношеній между нами не было, хотя по нѣкоторымъ, почти неуловимымъ признакамъ мы знали, что обѣ привезены въ эту крѣпость.

Уже съ начала 85 года заключеннымъ было разрѣшено гулять вдвоемъ, и мы замѣтили, что нѣсколько человѣкъ, дѣйствительно, пользуются этой льготой. До января 86 года я, молча, ожидала, когда-же и мнѣ дадутъ возможность видѣться съ Л. А., и недоумѣвала, почему-же собственно я лишена радости имѣть товарища и друга? Наконецъ, 3-го или 4-го числа я рѣшилась и спросила смотрителя Соколова: «Почему мнѣ не даютъ гулять съ подругой?» Смотритель, съ которымъ всѣ мы избѣгали о чемъ бы то ни было говорить, немного помолчалъ, а затѣмъ сказалъ: «Можно дать, только... не слѣдуетъ»... Онъ согнулъ указательный палецъ и сталъ постукивать имъ въ косякъ, какъ въ тюрьмѣ разговариваютъ стукомъ въ стѣну.

Я отвѣтила, что и такъ стучу очень мало.

Разговоръ на этомъ кончился, и я продолжала прежній образъ жизни, разговаривая понемножку съ моими сосѣдями: Панкратовымъ (рядомъ) и Морозовымъ, камера котораго была внизу.

14-го января, когда меня повели гулять и я, ничего не подозрѣвая, вошла въ калитку той «клѣтки», гдѣ должна была совершаться прогулка, я неожиданно увидѣла фигуру въ нагольномъ полушубкѣ и холщевомъ платкѣ, которая быстро заключила меня въ свои объятья и въ которой я съ трудомъ признала Волкенштейнъ, видѣнную мной на судѣ въ цивилизованномъ платьѣ. Вѣроятно, и она столь же была поражена метаморфозой, совершившейся со мной...

И такъ мы стояли, держа другъ друга въ объятьяхъ, не зная: радоваться намъ или плакать?...

А потомъ стали знакомиться.

Л. А. хорошо было извѣстно, что о ней я ровно ничего не знала, кромѣ того, что выяснилось на судѣ. До того я слышала ея имя только изъ устъ Гольденберга, когда послѣ Воронежскаго съѣзда я видѣла его въ Петербургѣ. Онъ отзывался о Л. А. съ величайшей похвалой и рекомендовалъ ее въ члены организаціи

---

[1]) Везли насъ на пароходѣ тоже врозь.

«Народной Воли», какъ человѣка вполнѣ преданнаго революціонному дѣлу и раздѣляющаго программу партіи. Но изъ первоначальныхъ членовъ организаціи «Народной Воли» никто не зналъ Л. А. лично, а потому вопросъ о приглашеніи ея въ организацію былъ отложенъ. Однако было рѣшено имѣть ее въ виду и, конечно, ее приняли бы, если бы въ ту же осень она не выѣхала за границу. Обо мнѣ-же Л. А., кажется, слыхала болѣе и, по ея словамъ, заочно любила меня. Съ трогательной откровенностью она сказала, что, получивъ обвинительный актъ и найдя въ немъ мое имя, она приложилась къ нему губами... Теперь-же, когда мы наконецъ встрѣтились при такихъ условіяхъ, что могли свободно говорить, ей хотѣлось поскорѣй излить свою душу, разсказать о своей прошлой жизни, о воспитаніи, семьѣ и дѣтяхъ, обо всемъ, что необходимо было разсказать, чтобъ сблизиться другъ съ другомъ.

Людмила Александровна Волкенштейнъ (урожденная Александрова) родилась въ Кіевѣ 18 сентября 1857 года. Ея родители принадлежали къ дворянскому сословію, и отецъ былъ военнымъ, въ отставкѣ. Они были довольно богаты, но, по смерти отца, мать увлеклась строительной горячкой, одно время свирѣпствовавшей въ Кіевѣ, и въ спекуляціяхъ домами потеряла всѣ средства, такъ что впослѣдствіи пользовалась матерьяльной поддержкой двухъ сыновей (одинъ служилъ на желѣзной дорогѣ, другой—былъ ветеринаромъ на Дальнемъ Востокѣ) и жила съ младшей дочерью, занимавшейся на бактеріологической станціи въ Кіевѣ. Въ Кіевѣ-же Л. А. провела свое дѣтство и раннюю молодость. Отца своего Л. А. не любила и не уважала. По ея отзывамъ это былъ грубый и во всѣхъ отношеніяхъ несимпатичный человѣкъ, и отношенія въ семьѣ были дурныя. Когда Л. А. была уже взрослой гимназисткой, отецъ дошелъ до того, что однажды поднялъ, было, на нее руку... Послѣ этого мать, страстно любившая дочь, устроила ее отдѣльно отъ семьи, нанявъ у знакомыхъ комнату и давъ средства для самостоятельной жизни. Свою мать Л. А. любила безпредѣльно и уважала глубоко, какъ человѣка добраго, гуманнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ твердаго. Все, что въ ней самой было хорошаго, Л. А. приписывала воспитательному вліянію и наслѣдственности со стороны матери, объ отцѣ-же сохраняла лишь тяжелое воспоминаніе.

Къ грусти, что, уходя изъ жизни, ей не удалось проститься съ матерью, въ Шлиссельбургѣ присоединилось огорченіе отъ отсутствія какихъ бы то ни было свѣдѣній о родныхъ.

Случилось такъ, что изъ всѣхъ товарищей я первая получила краткое и сухое словесное извѣщеніе изъ департамента полиціи, что моя мать жива, здорова и шлетъ мнѣ *поклонъ*. Это было черезъ *три* года по заключеніи въ Шлиссельбургъ, а Л. А. еще долго послѣ того не имѣла ни одной вѣсточки. Тщетно успокаивала я ее тѣмъ, что мои родные живутъ въ Петербургѣ, или имѣютъ частыя сношенія съ нимъ; что по процессамъ сестеръ

они пріобрѣли извѣстную опытность, которой не имѣетъ ея мать; что, живя въ Кіевѣ, она даже не знаетъ, куда обратиться съ просьбой извѣстить дочь о своемъ существованіи. Л. А. была неутѣшна и каждый разъ, когда я снова получала холодную реляцію на подобіе первой, она начинала тосковать и горько плакать, такъ что мнѣ тяжело было сообщать ей о своей радости, тяжело, что я имѣю ее одна и не могу помочь горю друга. Наконецъ, вѣсть отъ матери, эта долгожданная вѣсть, пришла, но при такихъ обстоятельствахъ, что Л. А. даже не захотѣла выслушать ее...

Въ первые годы заключенія, каждые шесть мѣсяцевъ насъ посѣщало какое нибудь высшее начальство изъ Петербурга. Въ одно изъ подобныхъ посѣщеній (если не ошибаюсь, въ 1889 г.) товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ генералъ Шебеко обошелся непозволительно грубо съ нѣкоторыми изъ заключенныхъ. Войдя въ камеру Шебалина, онъ остался недоволенъ выраженіемъ его лица. «Это что за дерзкая физіономія? Кто это?» спросилъ онъ смотрителя и присутствовавшаго при этомъ коменданта. У Тригони, когда тотъ хотѣлъ сдѣлать какое-то заявленіе, генералъ, перебивая его, закричалъ: «Надо помнить, что эта тюрьма замѣняетъ смертную казнь!..» а выходя въ корридоръ, говорилъ: «они разсуждаютъ, бунтуютъ!.. Полковникъ,—плети, плети!..» Поднявшись наверхъ, Шебеко зашелъ къ Конашевичу и къ Волкенштейнъ. И тутъ произошли сцены въ родѣ предыдущихъ. Обращаясь къ Л. А., Шебеко сказалъ: «Вы отвратительно себя ведете! Вы только и дѣлаете, что сидите въ карцерѣ! Въ инструкціи есть розги!»..

Когда, послѣ отъѣзда Шебеко, въ тюрьмѣ узнали о всѣхъ этихъ возмутительныхъ грубостяхъ, то единодушно рѣшили не принимать болѣе генерала Шебеко къ себѣ; въ случаѣ дальнѣйшихъ визитацій бойкотировать его: заявленій не дѣлать, на вопросы не отвѣчать, никакихъ сообщеній не выслушивать и въ той или иной формѣ просить его выйти вонъ...

Послѣ этого прошелъ, должно быть, годъ, и Шебеко въ тюрьмѣ не появлялся. Быть можетъ, онъ и самъ потомъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко, а можетъ быть ему и донесли, что къ его встрѣчѣ приготовились, и онъ не желалъ дать поводъ къ какой нибудь тяжелой тюремной исторіи... Затѣмъ, онъ прибылъ въ свитѣ м-ра внут. дѣлъ И. Н. Дурново, но при обходѣ всѣхъ камеръ министромъ оставался въ корридорѣ и зашелъ вмѣстѣ съ Дурново лишь къ Волкенштейнъ. Раскланявшись, онъ началъ: «Ваша матушка...» Но Л. А., въ присутствіи Дурново, прервала его словами: «Отъ васъ я не хочу слышать даже о матери»...

Шебеко повернулся и тотчасъ вышелъ. Ни къ кому другому онъ въ этотъ разъ ужъ не зашелъ и, вообще, это былъ его послѣдній визитъ въ Шлиссельбургскую тюрьму, хотя на своей должности онъ оставался еще долго.

Съ 92 года намъ стали вмѣсто устныхъ сообщеній о родныхъ давать крошечныя памятки, бумажку, гдѣ канцелярскимъ слогомъ сообщалось, что родные (имя рекъ) живы и здоровы, чего

и намъ желаютъ. Сначала эти бумажки только давали прочитать и отбирали; потомъ стали оставлять въ нашихъ рукахъ. Подобныя памятки стала получать и Волкенштейнъ.

Училась Л. А. въ Кіевской женской гимназіи, но, имѣя хорошія способности, относилась къ сухимъ школьнымъ занятіямъ довольно небрежно. Въ силу этого, срѣзавшись на экзаменѣ, не захотѣла подвергнуться переэкзаменовкѣ и оставила гимназію, не получивъ диплома объ окончаніи ея. Изъ гимназической жизни Л. А. разсказала мнѣ одинъ эпизодъ, характерный для ея личности. Въ одномъ классѣ съ ней училась горбатая дѣвочка, которая всегда оставалась одинокой и, видимо, чувствовала себя для всѣхъ чужой. Однажды, вызвавшій ее учитель позволилъ себѣ какую-то насмѣшку надъ ея уродствомъ. «Вы не смѣете поступать такъ! Вы не смѣете унижать и насмѣхаться»!.. закричала на весь классъ Л. А. со своего мѣста.

Учитель сконфузился, а въ маленькой горбуньѣ Л. А. нашла самую горячую, почтительную преданность. Судьба, должно быть, не баловала дѣвочку сочувствіемъ людей и съ той поры, какъ она увидѣла въ Л. А. свою покровительницу, во всякую погоду Л. А. встрѣчала ее на своемъ пути въ гимназію: дѣвочка поджидала ее гдѣ нибудь на улицѣ, чтобъ проводить до гимназическаго зданія, а по окончаніи уроковъ—до дому.

Между одноклассницами Л. А. имѣла большихъ пріятельницъ, носившихъ среди знакомыхъ шутливое прозвище «галки», кажется, по чернымъ платьямъ. Хотя этотъ кружокъ не преслѣдовалъ никакихъ общественныхъ цѣлей, но съ соціалистическими идеями Л. А. познакомилась еще будучи въ гимназіи. Въ числѣ ея знакомыхъ былъ Александръ Александровичъ Волкенштейнъ, студентъ - медикъ Кіевскаго университета, за котораго, по выходѣ изъ гимназіи, она вышла замужъ. Александръ Александровичъ стоялъ довольно близко къ кіевской группѣ Чайковцевъ. Члены петербургскаго кружка Чайковцевъ считали его членомъ организаціи, но затѣмъ, безъ рѣзкаго разрыва, онъ постепенно отдалился отъ всѣхъ революціонныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, въ глазахъ полиціи онъ былъ скомпрометтированъ, и его судили по процессу 193-хъ (18 октября 77-го—23 января 78 гг.). Во время заключенія Александра Александровича въ тюрьмѣ, родился его сынъ—Сергѣй. Л. А. тогда было 19 или 20 лѣтъ. Во время самаго процесса она была въ Петербургѣ и посѣщала мужа, а послѣ суда вмѣстѣ съ Ал. Ал., который былъ оправданъ, возвратилась въ Кіевъ, гдѣ встрѣчалась съ различными революціонерами (Самарская, Григорій Гольденбергъ, Зубковскій, Кобылянскій и др.). Мысль объ убійствѣ харьковскаго губернатора, князя Крапоткина, возникла въ Кіевѣ въ декабрѣ

1878 г. и принадлежала Гольденбергу. Мотивомъ, какъ извѣстно, было дурное обращеніе съ политическими заключенными въ центральныхъ тюрьмахъ (Зміевской и Бѣлгородской) и избіеніе харьковскихъ студентовъ во время уличныхъ безпорядковъ. Находившійся въ то время въ Кіевѣ Валеріанъ Осинскій, бывшій душой всѣхъ террористическихъ фактовъ на югѣ, доставилъ Гольденбергу деньги, оружіе и адреса въ Харьковъ. Волкенштейнъ и Зубковскому было предложено ѣхать туда же для основанія конспиративной квартиры. Выслѣдивши съ помощью Кобылянскаго время выѣздовъ губернатора, Гольденбергъ смертельно ранилъ его 9 февраля 79 года выстрѣломъ изъ револьвера [1]). Онъ вскочилъ на подножку кареты въ то время, когда князь, возвращаясь съ бала, ѣхалъ черезъ Вознесенскій скверъ, расположенный передъ губернаторскимъ домомъ. Фактъ былъ совершенъ отъ имени Исполнительнаго Комитета, ядро котораго уже существовало внутри организаціи общества «Земля и Воля». Самъ Гольденбергъ считался однимъ изъ агентовъ низшей степени Исполнительнаго Комитета. Заговорщики благополучно скрылись. Черезъ 4 дня послѣ убійства Л. А. возвратилась въ Кіевъ, а осенью того-же года, какъ было уже сказано, покинула Россію.

За границей Л. А. проживала короткое время во Франціи и въ Швейцаріи.

Въ послѣдней она мелькомъ встрѣтилась въ 80 г. съ Н. А. Морозовымъ, своимъ будущимъ товарищемъ по Шлиссельбургу. Но большую часть времени, проведеннаго за границей, Л. А. прожила въ Болгаріи и Румыніи, въ кругу русскихъ эмигрантовъ. Въ числѣ послѣднихъ она называла Каца съ женой, Василія Ивановскаго, Дическула (судившагося по процессу 193-хъ) и др. Нѣкоторое время Л. А. служила въ Болгаріи въ качествѣ смотрительницы больницы, которою завѣдывалъ знакомый ей русскій врачъ Ю., жена котораго была близкимъ другомъ Л. А. Надо сказать, что Л. А. была нѣсколько причастна и медицинѣ, такъ какъ во время Русско-Турецкой войны прослушала въ Кіевѣ 3-хъ мѣсячный курсъ перевязокъ, приготовлявшій сестеръ милосердія для русской арміи. Въ послѣдній годъ пребыванія въ Шлиссельбургѣ Л. А. начала усердно заниматься медициной, чтобъ пріобрѣсти знанія въ размѣрѣ фельдшерскаго курса, что должно было пригодиться ей въ ссылкѣ. Но объ этомъ я скажу послѣ.

Заграничная жизнь съ ея оторванностью, отсутствіемъ живой дѣятельности и платоническими мечтами о родинѣ не удовлетворяли Л. А. и, оставивъ друзей, она возвратилась въ Россію съ паспортомъ болгарской подданной. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ она была приглашена въ участокъ, гдѣ подверглась подробному допросу насчетъ знанія болгарскаго языка и почему хорошо говоритъ по русски. Отвѣты были, болѣе или менѣе, правдо-

---

[1]) Крапоткинъ умеръ черезъ 5 дней (16 февр.).

подобны, и ее отпустили. Но по прошествіи недѣли или двухъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ поводовъ, она была арестована.

Съ большой горечью, пробѣгая въ воспоминаніяхъ свое прошлое, Л. А. говорила, что всю жизнь стремилась къ настоящимъ людямъ и къ настоящей дѣятельности, и что ей такъ и не пришлось найти себѣ удовлетворенія... Въ связи съ этимъ она признавалась, что судъ былъ для нея праздникомъ, такъ какъ на немъ она могла, по крайней мѣрѣ, открыто исповѣдать свои убѣжденія. Поэтому-то она не взяла себѣ защитника, отказалась отъ кассаціи и была чрезвычайно довольна вынесеннымъ ей суровымъ приговоромъ. Характерна и слѣдующая подробность ея настроенія и поведенія послѣ суда.

Когда, передъ увозомъ въ Шлиссельбургъ, ей надѣли ручные кандалы, это не произвело на нее тяжелаго впечатлѣнія. Напротивъ, она почувствовала приливъ гордости и «на пароходѣ я все время демонстративно побрякивала ими», разсказывала она мнѣ въ Шлиссельбургѣ.

Искренность и простота Л. А., ея готовность понести, какую угодно, кару за свои убѣжденія и необыкновенная сердечность въ обращеніи скоро вполнѣ обворожили меня. Мы подружились дружбой самой нѣжной и идеальной, какая возможна только въ такихъ условіяхъ, въ какихъ мы тогда были. Мы походили на людей, выброшенныхъ кораблекрушеніемъ на необитаемый островъ. У насъ не было *никого* и *ничего*, кромѣ другъ друга. Мы были оторваны отъ жизни и дѣятельности, отрѣзаны отъ человѣчества и родины, лишены друзей, товарищей и родныхъ. Не только люди, но и природа, краски, звуки—все исчезло... Вмѣсто этого былъ сумрачный склепъ съ рядомъ таинственно замурованныхъ ячеекъ, въ которыхъ томились невидимые люди, зловѣщая тишина и атмосфера насилія, безумія и смерти.

Понятно, что общеніе двухъ душъ въ такой обстановкѣ должно было доставлять невыразимое наслажденіе и навсегда оставило въ душѣ самое трогательное воспоминаніе.

Не знаю, что давала я Л. А., но она была моимъ утѣшеньемъ, радостью и счастьемъ. Мои нервы и организмъ были потрясены въ глубочайшихъ своихъ основахъ. Я была слаба физически и измучена душевно... общее самочувствіе мое было прямо ненормально... и вотъ я получила друга, на котораго тюремныя впечатлѣнія не дѣйствовали такъ губительно, какъ на меня: и этотъ другъ былъ воплощеніемъ нѣжности, доброты и гуманности. Всѣ сокровища своей любящей души она щедрой рукой отдавала мнѣ. Въ какомъ бы мрачномъ настроеніи я ни приходила, она всегда умѣла чѣмъ нибудь развлечь и утѣшить меня. Одна ея улыбка и видъ милаго лица разгонялъ тоску и давалъ радость. Послѣ свиданья я уходила успокоенной, преображенной... камера ужъ не казалась мнѣ такой сумрачной, а жизнь—тяжелой. Тотчасъ я начинала мечтать о новой встрѣчѣ послѣ завтра... Свиданія были черезъ день: тюремная дисциплина, очевидно, находила нуж-

нымъ разбавлять радость нашихъ встрѣчъ днемъ полнаго одиночества. Но это, быть можетъ, только обостряло наше стремленіе другъ къ другу и поддерживало то «праздничное» настроеніе, о которомъ впослѣдствіи было такъ пріятно вспоминать.

Когда въ тюрьмѣ происходило какое нибудь несчастье, когда умирали наши товарищи, стоны и предсмертную агонію которыхъ мы слышали отчетливо въ стѣнахъ тюрьмы, замѣчательно отзывчатой въ акустическомъ отношеніи, мы встрѣчались блѣдныя, взволнованныя и безмолвныя. Стараясь не смотрѣть другъ другу въ лицо, мы цѣловались и, обнявшись, молча прохаживались по дорожкѣ, или сидѣли на землѣ [1]), прислонившись къ забору, подальше отъ жандарма, слѣдившаго съ высоты своей вышки за каждымъ нашимъ движеньемъ. Въ такіе дни простая физическая близость, возможность прижаться къ плечу друга—была уже отрадой... и облегчала тяжесть жизни... Былъ въ 86 году мѣсяцъ, когда одинъ за другимъ умерли: Кобылянскій, Исаевъ и Игнатій Ивановъ. Первый отъ цынги, второй отъ чахотки, а Игнатій Ивановъ, кажется, отъ того и другого... къ тому же—онъ былъ безуменъ!...

Пока Исаевъ былъ на ногахъ и ходилъ гулять, его громкій, хриплый и словно изъ пустой бочки кашель надрывалъ душу, если приходилось быть рядомъ... Иногда-же насъ приводили въ ту самую клѣтку, гдѣ передъ тѣмъ былъ онъ. На снѣгу, справа и слѣва, виднѣлась алая, только что выброшенная имъ кровь... Эта не убранная, не прикрытая, хотя бы снѣгомъ, кровь товарища вызывала щемящую тоску... Это былъ символъ изсякающей жизни,—жизни товарища, которому не поможетъ наука, никакая сила человѣческая... И отвести отъ этой крови глазъ было некуда. Небольшое пространство «клѣтки» было сплошь завалено снѣгомъ: оставалась лишь узкая тропинка, по которой, поневолѣ, только и приходилось ходить. Отвратительно было это палачество, которое нѣсколькими ударами лопаты могло скрыть кровавый слѣдъ, но цинично оставляло его на муку и поученіе невольныхъ посѣтителей... Намъ-же тогда не давали даже лопаты.

Предсмертныя страданія Исаева были ужасны. Это была, кажется, самая тяжелая агонія изъ всѣхъ, которыя пришлось пережить. Немного морфія или опія, вѣроятно, облегчили бы ему борьбу со смертью и избавили отъ потрясенія всѣхъ насъ. Но ничего подобнаго не было сдѣлано. Мертвая тишина стояла въ тюрьмѣ... всѣ мы притаились, какъ будто, сжались и съ затаеннымъ дыханьемъ прислушивались къ полному затишью... не было ни звука... и среди напряженнаго состоянія внезапно раздавался протяжный стонъ, скорѣе похожій на крикъ... Тяжело быть *свидѣтелемъ* разставанья человѣка съ жизнью, но еще тяжелѣй и страшнѣй быть пассивнымъ, замурованнымъ въ каменный мѣшокъ, *слушателемъ* такого разставанья. Только въ тюрьмѣ да

---

[1]) Скамей не было.

въ домѣ умалишенныхъ, который, вообще, имѣетъ во многихъ отношеніяхъ сходство съ тюрьмою, возможны потрясающія, зловѣщія сцены въ родѣ этихъ...

Весной намъ съ Л. А. дали по 2 грядки [1]) въ огородѣ. Еще задолго до того мы были сильно заинтересованы какими-то таинственными приготовленіями, скрытыми отъ нашихъ взоровъ досчатой перегородкой: оказывается тамъ ставили заборы для 6 огородовъ; они примыкали къ высокой крѣпостной стѣнѣ и оканчивались саженяхъ въ трехъ отъ тюремнаго зданія. На баржахъ была привезена гдѣ-то по дорогой цѣнѣ купленная земля и въ видѣ уже готовыхъ грядъ насыпана по огородамъ.

Нашъ огородъ представлялъ собою небольшое, продолговатое, очень невзрачное мѣстечко, почти совсѣмъ лишенное лучей солнца. Съ одной стороны каменная стѣна, съ трехъ остальныхъ— $3^1/_2$-аршинный досчатый заборъ: откуда нибудь да всегда падаетъ тѣнь! Однако и этотъ колодезь показался намъ раемъ. Тутъ была земля — настоящая земля... земля полей и деревень... черная, рыхлая и прохладная. До этого мы видѣли въ своей тѣсной оградѣ только безплодный пустырь: плотно убитую каменистую почву, на которой не пробивалась ни одна травка. Это было устроено, конечно, для облегченія надзора, чтобъ мы не завели другъ съ другомъ письменныхъ сношеній, скрывая письма среди какой нибудь зелени. Въ 86 г., въ эти дворики, лѣтомъ, съ береговъ рѣки, привезли песку и положили по деревянной лопатѣ: «для моціона», сказалъ смотритель. Предполагалось этой лопатой перебрасывать песокъ съ одного мѣста на другое и этимъ цѣлесообразнымъ способомъ укрѣплять силы заключенныхъ. Дѣйствительно, кто не имѣлъ огорода (а его дали весьма немногимъ), чтобъ какъ нибудь убить время, бросалъ этотъ песокъ; но потомъ это страшно надоѣло, и мы называли это занятіе работами національныхъ мастерскихъ во Франціи 48-го года.

Когда давали огородъ, смотритель и вахмистръ, молча, вводили заключеннаго и пальцемъ указывали одну или двѣ гряды. Затѣмъ, также молча, вахмистръ вручалъ пакетъ съ огородными сѣменами (редисъ, рѣдька, морковь, рѣпа, горохъ, брюква, макъ и, взявъ щепотку, мимикой показывалъ, что надо дѣлать: наклонялся къ землѣ, дѣлалъ въ ней пальцемъ ямки и клалъ сѣмячко, послѣ чего въ молчаньи удалялся вмѣстѣ съ присутствовавшимъ при всей процедурѣ смотрителемъ. Не только разговаривать, но вообще, говорить что нибудь заключенному—жандармамъ было строго запрещено. Въ случаѣ необходимости — вахмистръ прибѣгалъ къ мимикѣ и, благодаря этому, впослѣдствіи мы обозначали его шутливымъ прозвищемъ «Мимика».

Появленіе молодыхъ всходовъ, пробивавшаяся повсюду зелень, доставляли намъ несказанное удовольствіе, а когда лѣтомъ зацвѣли посаженные самими жандармами вдоль забора цвѣты,

---

[1]) Арш. 4 длины, 1 ар. ширины—каждая.

мы пришли въ чисто дѣтское восхищеніе. Мы страшно соскучились по травѣ, по полямъ и лугамъ, и клокъ зелени вызывалъ совершенно неожиданно пріятную волну чувствъ въ нашей изголодавшейся душѣ. Такое-же чувство возбуждали во время заключенія и тѣ немногія животныя, которыя были намъ доступны. Л. А. впослѣдствіи такъ пріучила воробьевъ, что они цѣлыми стаями сидѣли у нея на колѣняхъ и ѣли крошки хлѣба съ ея халата... Часто, когда мы ходили подъ руку, я вдругъ замѣчала, что она дѣлаетъ обходъ и тянетъ меня въ сторону. Нѣкоторое время я недоумѣвала, что это значитъ, а когда услыхала отвѣтъ, то не могла не разсмѣяться... а потомъ — умилилась. Эта террористка, замѣчая ползущую гусеницу или жука, боялась раздавить насѣкомое!.. А мнѣ и въ голову не приходило смотрѣть, бѣжитъ ли какая нибудь маленькая тварь поперекъ дороги... Когда, позднѣе, у насъ появились кусты малины, и маленькая гусеница стала объѣдать зелень, то никакъ нельзя было уговорить моего друга заняться собираніемъ вреднаго существа и потопленіемъ его въ лейкѣ. Пусть лучше пропадаетъ малина и весь кустъ—истреблять живое созданіе она не можетъ! Однажды много смѣха возбудилъ ея поступокъ съ клопомъ, найденнымъ въ камерѣ и, вѣроятно, занесеннымъ какимъ нибудь жандармомъ. Л. А. тщательно завернула его въ бумажку и вынесла на гулянье: здѣсь клопъ былъ освобожденъ изъ бумажной обертки и осторожно выпущенъ на волю.

Меня очень интересовало такое отношеніе къ животнымъ и я спросила: всегда-ли она такъ относилась къ нимъ? Она сказала, что всегда уважала жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. И у нея это, дѣйствительно, была не временная тюремная «сентиментальность», а искреннее чувство, вполнѣ гармонировавшее со всей ея любящей натурой. Человѣка, болѣе гуманнаго по отношенію къ людямъ, трудно было встрѣтить, и въ первые годы, когда мелкая борьба съ тюремщиками не омрачала ея душу, эта гуманность и добросердечіе сіяли чуднымъ блескомъ. Л. А. знала жизнь и знала людей и не идеализировала ни то, ни другое. Она брала ихъ такъ, какъ они есть—смѣсь свѣта и тѣни. За свѣтъ—она любила, а тѣнь—прощала. Она имѣла счастливую способность находить и никогда не терять изъ виду хорошія стороны человѣка и непоколебимо вѣрила въ доброе начало, таящееся въ каждомъ. Она была убѣждена, что добро и любовь могутъ побѣдить всякое зло; что не суровый приговоръ, не репрессія, а доброе слово, участливое, дружеское порицаніе — самыя дѣйствительныя средства исправленія. Безконечная снисходительность во всѣхъ личныхъ отношеніяхъ была характернымъ свойствомъ Л. А. «Всѣ мы нуждаемся въ снисхожденіи»—было ея любимой поговоркой.

Мое собственное міросозерцаніе далеко не отличалось такимъ мягкимъ колоритомъ, но въ первые годы заключенія, вдали отъ общественной борьбы и той разгоряченной атмосферы, въ которой я жила на свободѣ, душа моя смягчилась, и общеніе съ такимъ

прекраснымъ типомъ любви не только къ *человѣчеству*, но и къ *человѣку* производило на меня чарующее впечатлѣніе. Я чувствовала удовольствіе нравственное и вмѣстѣ съ тѣмъ эстетическое: это была любовь, это была красота... красота совсѣмъ другого рода, чѣмъ жесткая энергія и непреклонная суровая воля, которая ломаетъ все, что встрѣчаетъ на своемъ пути, и удивительные образцы которой я видѣла ранѣе вокругъ себя... Слушая и наблюдая Л. А., оцѣнивая ее, какъ человѣка, невольно можно было спросить, какъ мирится ея гуманность и добросердечіе съ насиліемъ и кровью революціонной дѣятельности? Распространять вокругъ себя свѣтъ и теплоту, дѣлать людей счастливыми—вотъ, казалось, — поприще для такой любящей натуры. И однако-жъ безобразіе и несправедливость политическаго и экономическаго строя бросили ее на другой путь. Вопіющая эксплоатація трудящихся массъ—сдѣлала ее соціалисткой. Невозможность свободной общественной дѣятельности въ Россіи и варварское угнетеніе личности—превратили ее въ террористку. Любящая, самоотверженная душа нашла въ революціонномъ протестѣ единственную форму, въ которую, съ спокойной совѣстью, могла вложить свои альтруистическія чувства, чтобъ цѣною собственной жизни расчистить пути жизни для слѣдующихъ поколѣній.....

Осенью того-же 86 года, когда мы свидѣлись съ Л. А., мы были вынуждены отказаться отъ прогулокъ вдвоемъ, хотя онѣ однѣ только и скрашивали нашу жизнь. Это случилось такъ: по тюремной инструкціи прогулка вдвоемъ и пользованіе огородомъ были льготой, даваемой за «хорошее поведеніе». Понятно, быть взысканнымъ, не въ примѣръ прочимъ, «за поведеніе», никому не могло быть пріятнымъ, а оцѣнка поведенія производилась смотрителемъ, или вѣрнѣе, онъ просто давалъ льготы, кому хотѣлъ, проявляя обыкновенно вопіющую несправедливость. Были товарищи, повседневное поведеніе которыхъ не выходило изъ рамокъ, въ которыхъ держались всѣ, и, однако, никакими льготами они не пользовались. Они немножко стучали съ сосѣдями—но это былъ общій грѣхъ.

Въ тюрьмѣ люди не могутъ обойтись безъ сношеній между собой: совсѣмъ не стучатъ только одни душевно-больные. Но, если однимъ нарушителямъ тюремныхъ правилъ можно было дать прогулку вдвоемъ и огородъ, казалось бы, слѣдовало дать ихъ всѣмъ. Но этого не было.... и нѣкоторые товарищи, какъ Кобылянскій, Златопольскій умерли, не видавъ дружескаго лица. Другимъ, какъ Панкратову, Мартынову, Лаговскому—пришлось ждать этой льготы цѣлые годы...

Какими средствами, не имѣющими ничего общаго съ «хорошимъ поведеніемъ», иногда можно было добиться свиданья съ товарищемъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра, случившагося съ М. Р. Поповымъ.

Однажды наша тюрьма огласилась крикомъ: «Караулъ!!!» Всѣ насторожились, недоумѣвая, въ чемъ дѣло?

Мгновенно форточка въ двери Попова открылась, и въ ней появилось лицо смотрителя Соколова.

— «Что нужно?» грубо спросилъ онъ.

— Не могу дольше такъ жить!... отвѣчаетъ Поповъ. — Дайте свиданье!...

Смотритель, помолчавъ и, смотря въ упоръ ему въ лицо, сказалъ: «Доложу Начальнику Управленія».

Чрезъ нѣсколько минутъ является Покрошинскій (комендантъ).

— «Что нужно заключенному?» спрашиваетъ онъ.

— Не могу дольше жить такъ... повторяетъ Поповъ. — Дайте прогулку вдвоемъ!...

Покрошинскій: «Заключенный кричалъ: караулъ! и требуетъ льготы... Пусть заключенный подумаетъ: если мы теперь-же исполнимъ его желаніе,—какой примѣръ это подастъ другимъ?!... Но, если заключенный немного подождетъ, — мы удовлетворимъ его. Если же онъ вздумаетъ кричать опять, мы уведемъ его въ другое помѣщеніе»..... (т. е. въ старую тюрьму или карцеръ).

Михаилъ Родіоновичъ нашелъ болѣе выгоднымъ подождать, и чрезъ нѣсколько дней его свели на гуляньи съ Шебалинымъ.

Но не всякій былъ такъ изобрѣтателенъ, какъ Михаилъ Родіоновичъ, и большинство молчало. Иногда, раздача льготъ была прямо таки орудіемъ непонятной злобы и мести въ рукахъ смотрителя. Если на его «ты» ему отвѣчали той же монетой, то заключенный терялъ всѣ шансы на то, чтобъ увидѣться съ кѣмъ нибудь изъ своихъ, хотя бы дни его жизни были сочтены. Савелій Златопольскій никакихъ столкновеній со смотрителемъ не имѣлъ, но стучалъ съ сосѣдями, хотя весьма мало. У него открылось сильное кровотеченіе горломъ... Силы его падали день ото дня, но смотритель съ холодной жестокостью оставлялъ его въ одиночествѣ. То же было и съ Кобылянскимъ, который говорилъ смотрителю «ты»... Отсутствіе льготъ у Панкратова тоже было актомъ мести.

Тяжело было, возвращаясь съ гулянья, думать о сосѣдѣ, лишенномъ послѣдней радости—видѣться съ товарищемъ. Тяжело—гулять вдвоемъ, когда тутъ-же вблизи уныло бродитъ товарищъ, тоже жаждущій встрѣчи и столь-же нуждающійся въ обществѣ, въ сочувствіи, въ другѣ.

Но мнѣ никогда не приходила въ голову мысль о какомъ нибудь выходѣ изъ этого положенія. Я считала тюремныя правила такой же несокрушимой твердыней, какъ каменныя стѣны, желѣзныя двери и рѣшетки. Мнѣ казалось невозможнымъ сломить гнетущій насъ тюремный режимъ, какъ невозможно разрушить стѣны и замки.

Но Л. А. была другого мнѣнія: она думала, что противъ тюремныхъ порядковъ надо въ той или иной формѣ протестовать. Распредѣленіе льготъ смотрителемъ — произвольно и несправедливо, а *потому* не можетъ быть терпимо. Л. А. предлагала въ этомъ случаѣ протестъ пассивный, а именно добровольный отказъ

отъ льготъ со стороны тѣхъ, что ими пользуется въ данное время. Отказъ, конечно, долженъ быть мотивированнымъ: въ немъ слѣдовало указать на болѣе или менѣе одинаковое поведеніе всѣхъ заключенныхъ и на чувство товарищества и симпатіи, не дозволяющее намъ спокойно пользоваться тѣмъ, чего лишены другіе.

Я долго не могла рѣшиться на такую жертву. Конечно, мнѣ было тяжело при мысли, что я пользуюсь благомъ, отъ отсутствія котораго, рядомъ, задыхается товарищъ.... Но я чувствовала себя «на днѣ» жизни, и свиданія съ Л. А. были моей единственной радостью!... Если бы я еще могла вѣрить, что жертва будетъ плодотворна и что добровольнымъ отказомъ намъ удастся вырвать изъ рукъ смотрителя орудіе угнетенія товарищей! Но мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобъ намъ уступили въ такомъ серьезномъ пунктѣ, а если такъ, то не будетъ ли это простымъ самоистязаніемъ и притомъ навсегда, потому что, отказавшись однажды, отступить было уже невозможно. Къ тому же нѣкоторые изъ пользовавшихся «льготой» гуляли съ товарищами настолько уже больными, что имъ безусловно была необходима дружеская помощь.

Видя, какъ меня пугаетъ разлука, Л. А. на время замолкала... Но вопросъ, безпокоившій насъ, снова и снова выплывалъ въ нашихъ бесѣдахъ. Л. А. постоянно указывала мнѣ на новыя стороны вопроса: она говорила, что нужно имѣть въ виду не одни только непосредственные результаты протеста; что помимо прямой цѣли—добиться того, чтобы прогулки вдвоемъ и пользованіе огородомъ стали общимъ достояніемъ тюрьмы, нормой, а не льготой,—протестъ, самъ по себѣ, имѣетъ значеніе. Среди всеобщаго молчанья и подчиненья, администрація увидитъ, что мы не относимся пассивно къ тому, что совершается вокругъ насъ, что мы думаемъ не только о себѣ, какъ того постоянно требуетъ начальство, но также сочувствуемъ товарищамъ и поднимаемъ голосъ въ защиту ихъ. «Говорите только о себѣ»—было всегдашнимъ замѣчаніемъ при употребленіи кѣмъ либо слова «мы». А тутъ, во имя товарищества, люди отказываются отъ того, что въ глазахъ начальства составляетъ награду. Ничто не дорого такъ начальству, какъ безпрекословное, пассивное воспріятіе всего, что отъ него исходитъ.

И вотъ люди, лишенные нетолько всѣхъ юридическихъ, но и просто элементарныхъ человѣческихъ правъ, и относительно которыхъ приняты всѣ мѣры къ полному подавленію ихъ личности,—эти люди ставятъ себя, хотя бы на минуту, выше своихъ тюремщиковъ и палачей: они критикуютъ и осуждаютъ распоряженія тюремной администраціи и указываютъ на необходимость перемѣнъ въ режимѣ, установленномъ для того, чтобъ держать въ желѣзныхъ тискахъ этихъ самыхъ критиковъ.

Мало-по-малу Л. А. убѣдила меня въ справедливости своихъ доводовъ, и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами мы отказались отъ пользованія льготами до тѣхъ поръ, пока онѣ не

будутъ распространены на всю тюрьму. Первоначально, довольно многіе соглашались дѣйствовать съ нами за одно, но потомъ, какъ это часто случается въ тюрьмѣ, все спуталось и замѣшалось, и вмѣсто болѣе или менѣе общаго протеста, только Л. А., я, Ю. Богдановичъ, Поповъ и Шебалинъ довели дѣло до конца. Въ теченіе полутора года мы не пользовались льготами... За этотъ періодъ не мало утекло воды. Погибъ жестокой смерью Грачевскій, сжегшій самъ себя. Смотритель Соколовъ былъ послѣ этого уволенъ, и новый смотритель Федоровъ, весной 1888 г., далъ льготы всѣмъ, кромѣ Лаговскаго. Когда-же Л. А. и я заявили, что все-же не воспользуемся прогулкой вдвоемъ, пока и Лаговскій не будетъ пользоваться ею, то Федоровъ далъ товарища и Лаговскому. Съ тѣхъ поръ въ тюрьмѣ вывелись какія бы то ни было раздѣленія на категоріи, и я думаю, что желаніе администраціи не возбуждать неудовольствія заключенныхъ было причиной, что льготы, какъ награда за поведеніе, остались только на бумагѣ (въ инструкціи), но исчезли въ нашей тюремной жизни.

Послѣ того, какъ осенью 86 года Л. А. разсталась со мной, въ ея жизни начался новый періодъ. Въ первые годы заключенія въ Шлиссельбургѣ ея отношеніе къ крайне тягостнымъ правиламъ тюремной дисциплины ничѣмъ не отличалось отъ отношенія къ нимъ всѣхъ товарищей: всѣ мы были въ подавленномъ состояніи, и въ атмосферѣ застѣнка, въ который мы были брошены, казалось, надо или прямо идти на смерть, какъ пошли Минаковъ и Мышкинъ, или молчать, покоряясь участи связаннаго по рукамъ и ногамъ человѣка. Но Минаковъ и Мышкинъ, равелинцы и карійцы, были людьми, уже нѣсколько лѣтъ терпѣвшими безправіе и угнетеніе; у нихъ могло уже не хватать силъ на дальнѣйшую жизнь при такихъ условіяхъ. Изъ остальныхъ многіе, въ томъ числѣ Л. А.,—были новички. Тотъ, кто былъ, когда либо, подъ обаяніемъ образа Іисуса, во имя идеи претерпѣвшаго оскорбленія, страданія и смерть, кто въ дѣтствѣ и юности считалъ Его—идеаломъ, а его жизнь—образцомъ самоотверженной любви,—пойметъ настроеніе только что осужденнаго революціонера, брошеннаго въ живую могилу за дѣло народнаго освобожденія. Въ первое время послѣ суда душа, во многихъ отношеніяхъ, настроена почти такъ же, какъ у человѣка, который умираетъ: спокойный и просвѣтленный, онъ не цѣпляется судорожно за то, что покидаетъ, но твердо смотритъ впередъ съ полнымъ сознаніемъ, что наступающее—неизбѣжно и неотвратимо.

Мало того: идеи христіанства, которыя съ колыбели, безсознательно и сознательно, прививаются всѣмъ намъ, внушаютъ осужденному отрадное чувство, что наступилъ моментъ, когда дѣлается проба человѣку, испытывается сила его любви и твердость его духа, какъ борца за тѣ идеальныя блага, добыть которыя онъ стремился не для своей скоро-преходящей личности, а для народа, для общества, для будущихъ поколѣній.

Понятно, что при такомъ настроеніи никакой словесный или

отъ льготъ со стороны тѣхъ, что ими пользуется въ данное время. Отказъ, конечно, долженъ быть мотивированнымъ: въ немъ слѣдовало указать на болѣе или менѣе одинаковое поведеніе всѣхъ заключенныхъ и на чувство товарищества и симпатіи, не дозволяющее намъ спокойно пользоваться тѣмъ, чего лишены другіе.

Я долго не могла рѣшиться на такую жертву. Конечно, мнѣ было тяжело при мысли, что я пользуюсь благомъ, отъ отсутствія котораго, рядомъ, задыхается товарищъ.... Но я чувствовала себя «на днѣ» жизни, и свиданія съ Л. А. были моей единственной радостью!... Если бы я еще могла вѣрить, что жертва будетъ плодотворна и что добровольнымъ отказомъ намъ удастся вырвать изъ рукъ смотрителя орудіе угнетенія товарищей! Но мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобъ намъ уступили въ такомъ серьезномъ пунктѣ, а если такъ, то не будетъ ли это простымъ самоистязаніемъ и притомъ навсегда, потому что, отказавшись однажды, отступить было уже невозможно. Къ тому же нѣкоторые изъ пользовавшихся «льготой» гуляли съ товарищами настолько уже больными, что имъ безусловно была необходима дружеская помощь.

Видя, какъ меня пугаетъ разлука, Л. А. на время замолкала... Но вопросъ, безпокоившій насъ, снова и снова выплывалъ въ нашихъ бесѣдахъ. Л. А. постоянно указывала мнѣ на новыя стороны вопроса: она говорила, что нужно имѣть въ виду не одни только непосредственные результаты протеста; что помимо прямой цѣли—добиться того, чтобы прогулки вдвоемъ и пользованіе огородомъ стали общимъ достояніемъ тюрьмы, нормой, а не льготой,—протестъ, самъ по себѣ, имѣетъ значеніе. Среди всеобщаго молчанья и подчиненья, администрація увидитъ, что мы не относимся пассивно къ тому, что совершается вокругъ насъ, что мы думаемъ не только о себѣ, какъ того постоянно требуетъ начальство, но также сочувствуемъ товарищамъ и поднимаемъ голосъ въ защиту ихъ. «Говорите только о себѣ»—было всегдашнимъ замѣчаніемъ при употребленіи кѣмъ либо слова «мы». А тутъ, во имя товарищества, люди отказываются отъ того, что въ глазахъ начальства составляетъ награду. Ничто не дорого такъ начальству, какъ безпрекословное, пассивное воспріятіе всего, что отъ него исходитъ.

И вотъ люди, лишенные нетолько всѣхъ юридическихъ, но и просто элементарныхъ человѣческихъ правъ, и относительно которыхъ приняты всѣ мѣры къ полному подавленію ихъ личности,—эти люди ставятъ себя, хотя бы на минуту, выше своихъ тюремщиковъ и палачей: они критикуютъ и осуждаютъ распоряженія тюремной администраціи и указываютъ на необходимость перемѣнъ въ режимѣ, установленномъ для того, чтобъ держать въ желѣзныхъ тискахъ этихъ самыхъ критиковъ.

Мало-по-малу Л. А. убѣдила меня въ справедливости своихъ доводовъ, и вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами мы отказались отъ пользованія льготами до тѣхъ поръ, пока онѣ не

будутъ распространены на всю тюрьму. Первоначально, довольно многіе соглашались дѣйствовать съ нами за одно, но потомъ, какъ это часто случается въ тюрьмѣ, все спуталось и замѣшалось, и вмѣсто болѣе или менѣе общаго протеста, только Л. А., я, Ю. Богдановичъ, Поповъ и Шебалинъ довели дѣло до конца. Въ теченіе полутора года мы не пользовались льготами... За этотъ періодъ не мало утекло воды. Погибъ жестокой смерью Грачевскій, сжегшій самъ себя. Смотритель Соколовъ былъ послѣ этого уволенъ, и новый смотритель Федоровъ, весной 1888 г., далъ льготы всѣмъ, кромѣ Лаговскаго. Когда-же Л. А. и я заявили, что все-же не воспользуемся прогулкой вдвоемъ, пока и Лаговскій не будетъ пользоваться ею, то Федоровъ далъ товарища и Лаговскому. Съ тѣхъ поръ въ тюрьмѣ вывелись какія бы то ни было раздѣленія на категоріи, и я думаю, что желаніе администраціи не возбуждать неудовольствія заключенныхъ было причиной, что льготы, какъ награда за поведеніе, остались только на бумагѣ (въ инструкціи), но исчезли въ нашей тюремной жизни.

Послѣ того, какъ осенью 86 года Л. А. разсталась со мной, въ ея жизни начался новый періодъ. Въ первые годы заключенія въ Шлиссельбургѣ ея отношеніе къ крайне тягостнымъ правиламъ тюремной дисциплины ничѣмъ не отличалось отъ отношенія къ нимъ всѣхъ товарищей: всѣ мы были въ подавленномъ состояніи, и въ атмосферѣ застѣнка, въ который мы были брошены, казалось, надо или прямо идти на смерть, какъ пошли Минаковъ и Мышкинъ, или молчать, покоряясь участи связаннаго по рукамъ и ногамъ человѣка. Но Минаковъ и Мышкинъ, равелинцы и карійцы, были людьми, уже нѣсколько лѣтъ терпѣвшими безправіе и угнетеніе; у нихъ могло уже не хватать силъ на дальнѣйшую жизнь при такихъ условіяхъ. Изъ остальныхъ многіе, въ томъ числѣ Л. А.,—были новички. Тотъ, кто былъ, когда либо, подъ обаяніемъ образа Іисуса, во имя идеи претерпѣвшаго оскорбленія, страданія и смерть, кто въ дѣтствѣ и юности считалъ Его—идеаломъ, а его жизнь—образцомъ самоотверженной любви,—пойметъ настроеніе только что осужденнаго революціонера, брошеннаго въ живую могилу за дѣло народнаго освобожденія. Въ первое время послѣ суда душа, во многихъ отношеніяхъ, настроена почти такъ же, какъ у человѣка, который умираетъ: спокойный и просвѣтленный, онъ не цѣпляется судорожно за то, что покидаетъ, но твердо смотритъ впередъ съ полнымъ сознаніемъ, что наступающее—неизбѣжно и неотвратимо.

Мало того: идеи христіанства, которыя съ колыбели, безсознательно и сознательно, прививаются всѣмъ намъ, внушаютъ осужденному отрадное чувство, что наступилъ моментъ, когда дѣлается проба человѣку, испытывается сила его любви и твердость его духа, какъ борца за тѣ идеальныя блага, добыть которыя онъ стремился не для своей скоро-преходящей личности, а для народа, для общества, для будущихъ поколѣній.

Понятно, что при такомъ настроеніи никакой словесный или

физическій бой съ шайкой сбирровъ и заплечныхъ дѣлъ мастеровъ немыслимъ. Вѣдь Іисусъ не сопротивлялся, когда Его поносили и заушали. Всякая мысль объ этомъ является уже профанаціей Его чистой личности и кроткаго величія...

Несомнѣнно и у Л. А. было подобное-же настроеніе. Но потомъ оно исчезло. Пока мы видѣлись съ нею, она сдерживалась, чтобъ не оставить меня въ одиночествѣ, которое для меня было такъ губительно. Но даже и тогда, порой у нея прорывался гнѣвъ при обстоятельствахъ, которыя мнѣ казались ничтожными. Такъ однажды, жандармъ, стоявшій на посту и бдительно присматривавшійся ко всему, что мы дѣлали, почему-то улыбнулся. Быть можетъ, онъ слышалъ что нибудь изъ нашего разговора, и это показалось ему забавнымъ. Внезапно я услышала гнѣвный голосъ Л. А. «Вы приставлены тутъ, чтобъ наблюдать, а не для того, чтобы смѣяться!!» говорила она... и вся дрожала отъ волненія. Я удивилась ея горячности и была огорчена: мнѣ казалось, лучше бы сдѣлать видъ, что не замѣчаешь этой улыбки. Но Л. А. была другого мнѣнія...

Послѣ нашей разлуки подобныя столкновенія съ жандармами участились, а осенью 87 г. Л. А. съ нѣсколькими товарищами была уведена въ старую тюрьму. Это было—наказаніе, такъ какъ гигіеническія условія въ послѣдней были несравненно хуже, чѣмъ въ новой тюрьмѣ, гдѣ мы находились съ 84 г. Отлученіе отъ остальныхъ товарищей тоже должно было имѣть тягостное психическое вліяніе, а обращеніе тюремщиковъ съ наказанными было самое безцеремонное. Пребываніе въ теченіе 6—7 мѣсяцевъ въ старой тюрьмѣ и было тѣмъ поводомъ, по которому ген. Шебеко дѣлалъ Л. А. выговоръ. Уводъ-же ея туда случился при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Лаговскій постоянно лазилъ на окно, чтобъ въ форточку смотрѣть на товарищей, гулявшихъ въ огородѣ, расположенномъ противъ его камеры. Самъ же онъ въ то время не имѣлъ ни прогулки вдвоемъ, ни огорода. Однажды, когда, не смотря на многократныя замѣчанія, онъ все-таки не повиновался, — его увели въ старую тюрьму. Узнавъ объ этомъ, Л. А. стала требовать, чтобъ увели и ее. Смотритель Соколовъ исполнилъ это желаніе. Тогда Поповъ потребовалъ того-же. Увели и его. Въ той же тюрьмѣ, но по другимъ поводамъ, оказались еще Грачевскій и Манучаровъ. Послѣдній былъ уведенъ за пѣніе, на нѣсколько минутъ нарушившее обычную тишину тюрьмы. По пути изъ одного зданія въ другое онъ былъ избитъ въ присутствіи коменданта Покрошинскаго, впослѣдствіи отрицавшаго этотъ фактъ.

Въ старой тюрьмѣ шли почти непрерывныя столкновенія съ жандармами изъ-за «стука». Товарищи переговаривались между собой и, чтобъ помѣшать имъ, жандармы поднимали неистовый шумъ: они брали полѣно и колотили имъ изо всей силы въ дверь, страшно раздражая этимъ нервы всѣхъ, или скоблили кочергой по желѣзу въ корридорной печи. Начиналась адская

музыка: въ корридорѣ человѣкъ 6 здоровенныхъ унтеръ-офицеровъ бомбардировали полѣньями двери камеръ, а запертые въ нихъ, измученные люди бѣшено отвѣчали, стуча кулаками и ногами, единственными орудіями, которыхъ у нихъ нельзя было отнять. По обѣ стороны дверей, снаружи и внутри, люди были въ бѣшенствѣ. Сцена выходила дикая и жестокая...

Когда-то, въ качествѣ студентки, я посѣщала психіатрическую больницу въ Бернѣ. Тамъ, между прочимъ, насъ водили въ отдѣленіе буйныхъ. Одну женщину, высокую худую брюнетку, съ горящими черными глазами и зловѣщимъ румянцемъ на щекахъ, я помню до сихъ поръ.

Когда профессоръ вошелъ къ ней, она, пробормотавъ нѣсколько словъ, внезапно принялась на него кричать, яростно жестикулируя и наступая. Скоро онъ долженъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ и быстро запереть дверь ея чисто тюремной кельи. Неистовые крики, угрозы и проклятья понеслись изъ за двери. Съ силой, совершенно не гармонировавшей съ истощеннымъ видомъ паціентки, она наносила кулаками такіе удары въ дверь, что, казалось, еще минута, и дверь разлетится въ щепки. Толпа учащейся, мужской и женской, молодежи стояла въ тягостномъ смущеньи... Одинъ профессоръ, холодный и невозмутимый, со строгими, пронизывающими глазами, стоялъ, словно тюремщикъ, держа въ рукѣ ключъ... Онъ привыкъ, онъ не волновался...

Теперь такія же сцены происходили здѣсь, въ тюрьмѣ, съ людьми, которые не были маніаками, но находились въ условіяхъ и обстановкѣ, дѣлавшихъ ихъ похожими на маніаковъ. Немного раньше, чѣмъ Л. А., я сама въ теченіе нѣсколькихъ дней была участницей въ подобнаго же рода сценахъ, и ярость, которую я испытала, была такъ ужасна, что, разъ навсегда, я дала себѣ слово никогда болѣе не ставить себя въ подобное положеніе...

И такую жизнь, такую обстановку, когда каждую минуту дверь могла отвориться, и 6 жандармовъ могли ворваться въ камеру, избить, связать и надругаться,—Л. А. съ небольшими передышками вела цѣлые мѣсяцы...

Это одинъ типичный случай, происходившій въ первый, самый тяжелый періодъ заключенія. Въ послѣдующіе годы условія тюремной жизни стали измѣняться къ лучшему, дикія сцены выходили изъ обихода. Побои, вязанье и надѣваніе сумасшедшей рубашки, которымъ въ первый періодъ подвергались нѣкоторые товарищи-мужчины,—прекратились. Столкновенія съ тюремной администраціей стали ограничиваться шумными пререканіями и рѣзкими словами...

Тюрьма, конечно, даетъ множество поводовъ къ неудовольствіямъ и конфликтамъ, и Л. А., въ той или иной степени, принимала участіе въ послѣднихъ. Иногда она воевала по поводу фактовъ, относившихся къ ней, но несравненно чаще—мотивомъ было чувство товарищества, желаніе поддержать или защитить

кого нибудь другого. Въ своей брошюрѣ о жизни въ Шлиссельбургѣ она говоритъ: «сидя въ тюрьмѣ, нѣкоторое удовлетвореніе находишь лишь въ постоянной борьбѣ за чувство человѣческаго достоинства». Она, дѣйствительно, искала такого удовлетворенія и находила его... По своимъ взглядамъ на обязательность борьбы по всякаго рода поводамъ она сходилась съ той группой женщинъ на Карѣ, къ которой принадлежали Ковалевская, Россикова и Ковальская. Но она не была истерзана и надломлена, какъ Ковалевская, и не отличалась деспотизмомъ и такой страстной нетерпимостью, которые причиняли Ковалевской такія жгучія нравственныя страданія. Л. А. уважала чужое убѣжденіе и чужую личность. Конечно, холодокъ пробѣгалъ и у нея, когда по поводу какого нибудь тюремнаго вопроса дѣло доходило до рѣзкаго разногласія съ друзьями. Но это было мимолетное явленіе; безконечно добрая, она скоро забывала не только разногласіе, но даже и жесткое слово, которое могло сорваться по ея адресу. Ея незлобіе въ послѣднемъ отношеніи было удивительно—она ни на минуту не забывала тѣхъ условій, среди которыхъ мы жили въ Шлиссельбургѣ, и эти условія, въ ея глазахъ, вполнѣ объясняли и извиняли всякую раздражительность. Сама она, по отношенію къ товарищамъ, никогда не страдала этимъ качествомъ: ея характеръ былъ всегда ровенъ и отличался несравненной мягкостью и веселостью, что составляло рѣзкую противоположность съ ея всегдашними отношеніями къ жандармеріи низшаго и высшаго порядка.

. . . . . .

Долго гуляли мы съ Л. А., бесѣдуя только вдвоемъ и не имѣя никакой возможности увидѣться съ остальными товарищами. Но, какъ искусно описалъ М. Ю. Ашенбреннеръ въ своихъ воспоминаніяхъ, въ 1-ой книжкѣ «Былого», въ одинъ прекрасный день преграды, раздѣлявшія насъ, рушились: въ заборахъ самовольно были прорублены окошечки, и явилась возможность, въ каждыхъ 2-хъ смежныхъ огородахъ, видѣться и говорить съ сосѣдями. Видя, что изоляція уже не существуетъ и что возстановить старую систему значило бы поднять въ тюрьмѣ волненіе и безпорядокъ, комендантъ Гангардъ, всегда отличавшійся большимъ тактомъ и лойяльной добротой, сдѣлалъ департаменту государственной полиціи докладъ, въ которомъ предлагалъ передѣлать огородные заборы такимъ образомъ, чтобъ верхняя часть ихъ была замѣнена деревянной рѣшоткой. Онъ мотивировалъ эту реформу скудостью свѣта въ огородахъ, со всѣхъ сторонъ затѣненныхъ сплошными заборами въ $3^1/_2$ аршина высоты, отчего растенія тянулись и плохо развивались. Реформа прошла, и это было великое событіе въ нашей жизни. Не говоря уже о томъ, что количество солнечнаго свѣта, который мы научились цѣнить только въ тюрьмѣ, сильно увеличилось и уже отъ одного этого намъ стало веселѣе жить,—мы получили неоцѣненное благо, стоя на маленькихъ эстрадахъ, построенныхъ нами у за-

боровъ, говорить уже не въ окошечко, а черезъ рѣшетку съ сосѣдями. Этотъ переломъ въ общей жизни тюрьмы произошелъ въ 92 году.—Наша жизнь расширилась неизмѣримо, особенно для Л. А. и меня. Товарищи-мужчины могли смѣняться другъ съ другомъ парами (это тоже далось не сразу!) и такимъ образомъ каждый могъ познакомиться со всѣми и изъ 21—28 чел. выбирать себѣ любого собесѣдника, мы-же были совершенно лишены всякаго другого общества, кромѣ насъ двухъ, такъ какъ другихъ женщинъ въ тюрьмѣ не было. На меня одиночное заключеніе подѣйствовало такимъ образомъ, что я потеряла потребность въ общеніи съ людьми. Одинъ или два друга были-бы для меня вполнѣ достаточны. Но Л. А. была человѣкъ крайне общительный, она любила общество, любила, какъ она выражалась, быть «на улицѣ». Въ этомъ мы составляли въ тотъ періодъ полную противоположность: я прямо тяготилась встрѣчами съ товарищами и чувствовала непреодолимое стремленіе бѣжать отъ нихъ. Такъ какъ я была вполнѣ откровенна съ Л. А., то часто жаловалась ей на тягостныя чувства, которыя я испытывала; но она всѣми силами старалась убѣдить меня, чтобъ я боролась съ нездоровымъ стремленіемъ къ одиночеству. Она находила его ненормальнымъ и утѣшала, что понемножку это пройдетъ. Много разъ она ободряла меня, уговаривала и всячески старалась облегчить мнѣ возвратъ къ естественнымъ отношеніямъ къ людямъ. Ея здравомыслію и гуманной поддержкѣ я очень много обязана въ томъ, что въ концѣ концовъ стала находить пріятнымъ общеніе съ товарищами и вышла изъ состоянія, которое я теперь не могу назвать иначе, какъ состояніемъ одичанія. Ту же милую доброту и широкое альтруистическое чувство, которыми Л. А. обогрѣвала меня, она дарила и другимъ товарищамъ. И если для нея самой было нужно и пріятно ихъ общество, то для нихъ, лишенныхъ теплой ласки, ея обаятельная личность имѣла неотразимую привлекательность. Всѣ хотѣли ее видѣть, и какъ можно чаще видѣть!—и ей приходилось, какъ выразился однажды Морозовъ, рѣзать себя на кусочки. И, въ самомъ дѣлѣ, она рѣзала, потому что отказать въ просьбѣ—была не въ силахъ. Время ея прогулокъ было распредѣлено на нѣсколько смѣнъ, состоявшихъ въ томъ, что въ то время, когда она находилась въ одномъ огородѣ, въ сосѣднемъ находились двое товарищей; затѣмъ они уходили, и на ихъ мѣсто являлись другіе.

Послѣ обѣда въ 1 часъ, насъ водили въ мастерскія, помѣщавшіяся въ 90-хъ годахъ въ старой тюрьмѣ. Когда тамъ добились того, чтобъ форточки въ дверяхъ были во время работъ отперты, и затѣмъ товарищи завоевали право находиться по 2 и даже по 4 человѣка въ общемъ корридорѣ, то у двери столярной, гдѣ работала Л. А., постоянно стояла кучка собесѣдниковъ, и не смолкали разговоры, шутки или пренія. Всѣхъ она встрѣчала съ радушіемъ и улыбкой, всегда находя темы для разговора и обсужденія и служа для своихъ друзей постояннымъ источникомъ радости и утѣшенія.

Невозможно перечислить все, что она дѣлала для товарищей, эти сотни мелкихъ услугъ, заботъ и маленькихъ подарковъ, которые скрашивали и разнообразили монотонную жизнь въ тюрьмахъ. Понятно, что ее любили горячо. Прочувствованные стихи Н. А. Морозова, написанные по случаю ея увоза отъ насъ въ 1896 г., прекрасно выражаютъ чувства, которыя она вызывала въ друзьяхъ:

* * *

Полна участья и привѣта
Среди безмолвія и тьмы,
Она сошла, какъ ангелъ свѣта,
Подъ своды мрачные тюрьмы...
Была чарующая сила
Въ душѣ прекрасной и живой
И жизнь она намъ обновила
Своей сердечной чистотой.
Въ глухой тюрьмѣ она страдала
Среди насилія и зла
Потомъ ушла... и не узнала,
Какъ много свѣта унесла...
Есть въ мірѣ люди: ихъ встрѣчаешь
Лишь въ дни гоненій и утратъ,
Но міръ за нихъ благословляешь
И жизнь за нихъ отдать бы радъ!...

* * *

Въ началѣ ноября 1896 г., когда мы находились въ старой тюрьмѣ на работѣ въ мастерскихъ, внезапно пришелъ вахмистръ и увелъ одного за другимъ нѣсколькихъ лицъ [1]) и между ними и Л. А., сказавъ, что ихъ ждетъ комендантъ. Всѣ были въ недоумѣніи и тревогѣ, не зная, что бы это значило. Однако уведенные скоро возвратились. Они были взволнованы и разсказали, что комендантъ имъ объявилъ, что по коронаціонному манифесту срокъ каторжныхъ работъ имъ сокращенъ: каторга безсрочная замѣнена 20 годами (Василію Иванову, Ашенбреннеру и Поливанову), а остальнымъ (Панкратову, Суровцеву, Яновичу и Л. А.) срокъ сокращенъ на одну треть, въ силу чего Л. А., Суровцевъ и Яновичъ должны теперь же выйти изъ крѣпости. Частичная амнистія, оставлявшая другихъ товарищей въ прежнемъ положеніи, не приносила амнистированнымъ радости, а Л. А. встрѣтила ее прямо съ гнѣвомъ: когда мы, обрадованные, что хоть нѣсколько человѣкъ выйдутъ изъ нашей могилы, бросились поздравлять ее,—она не хотѣла слышать никакихъ поздравленій и ликованій и лишь мало-по-малу примирилась съ фактомъ. Тогда начались спѣшныя приготовленія къ отправкѣ и планы насчетъ будущаго.

---

[1]) Василія Иванова, Суровцева, Яновича, Поливанова, Панкратова.

Еще въ 95 году, предполагая, что черезъ четыре года, по окончаніи срока каторги, она будетъ сослана въ Сибирь или на Сахалинъ, Л. А. рѣшила пополнить свои медицинскія знанія, чтобъ въ ссылкѣ быть полезной населенію въ качествѣ фельдшерицы. Докторъ Безродный, который, оставаясь вполнѣ лойяльнымъ, облегчалъ намъ жизнь своей гуманной отзывчивостью на каждую нашу нужду, оказалъ и тутъ всевозможную помощь, доставивъ нѣкоторые учебники, полный человѣческій скелетъ и отдѣльныя кости, по которымъ Л. А. могла изучить анатомію. Морозовъ прочелъ ей краткій курсъ химіи, а Лукашевичъ, этотъ образецъ альтруизма, когда дѣло шло о помощи въ научныхъ занятіяхъ, взялся прочесть А. Л. на гуляньи курсъ гистологіи, что и выполнилъ блестящимъ образомъ. Микроскопъ у насъ былъ съ 91 г., когда на заработанныя товарищами [1]) деньги комендантъ Гангардъ купилъ намъ подержанный Гартнагъ. Этотъ микроскопъ выносился на гулянье, ставился между рейками рѣшетчатой части забора и такимъ образомъ Лукашевичъ могъ демонстрировать Л. А. гистологическіе препараты, которые приготовлялъ съ большимъ искусствомъ. Л. А. быстро усваивала необходимыя знанія и съ большимъ усердіемъ изучала предметы намѣченнаго курса, который предполагала пройти въ четыре года. Амнистія неожиданно прервала эти занятія, чрезвычайно полезныя въ видахъ будущей ссылки.

Тяжело было Л. А. покинуть насъ послѣ столькихъ лѣтъ общей жизни, полной всевозможныхъ невзгодъ. Она любила насъ... и знала, что для нѣкоторыхъ нужна, какъ свѣтъ, какъ воздухъ. Нѣжная заботливость объ этихъ лицахъ сказывалась много разъ въ послѣднихъ ея бесѣдахъ со мной, когда она просила меня не забывать, что для нихъ—ея отъѣздъ особенно тяжелъ... 23 ноября ее и 4-хъ другихъ товарищей: Мартынова и Шебалина, 12-лѣтній срокъ которыхъ какъ разъ тогда кончился помимо амнистіи, и амнистированныхъ: Яновича и Суровцева—должны были увезти.

Послѣдній часъ передъ отъѣздомъ Л. А. провела въ моей камерѣ. Все время—она плакала, я—утѣшала. Трогательныя слова, сказанныя ею на прощанье, были — что въ Шлиссельбургѣ она покидаетъ лучшихъ людей, которыхъ когда либо знала...

Въ 1 часъ дня, уѣзжавшихъ, одного за другимъ, стали выводить изъ камеръ, а потомъ изъ тюрьмы. По выходѣ изъ тюремной ограды на обширный дворъ крѣпости, гдѣ съ одной стороны находятся братская могила по убитымъ воинамъ и рядъ домовъ, въ которыхъ обитаетъ высшая тюремная администрація, а съ другой — церковь, садъ и казармы низшихъ чиновъ, — каждый освобожденный останавливался, чтобъ безмолвнымъ жестомъ выразить намъ свое «послѣднее прости». Изъ оконъ камеръ мы смотрѣли на ихъ удаляющіяся фигуры... Каждый, обернувшись въ нашу сторону, дѣлалъ низкій поклонъ; мужчины снимали

---

[1]) Они выточили ограду на братскую могилу воиновъ, павшихъ въ битвѣ со шведами при Петрѣ I.

шапку и махали ею, въ знакъ привѣтствія... а Л. А., остановясь два или три раза, махала платкомъ. Мы тоже держали въ рукахъ бѣлые платки, которые издали легче было видѣть чрезъ двойныя рамы и рѣшетки нашихъ оконъ... Мы провожали взглядомъ друзей, возвращавшихся къ жизни, и въ эту минуту, казалось, вокругъ насъ образуется новая темная пустота... Вотъ они дошли до воротъ и скрылись... для насъ они переставали существовать: словно морская бездна разверзлась и поглотила ихъ, и ни одна вѣсточка не должна была сказать намъ, что будетъ съ ними дальше?... Темная неизвѣстность, какъ «слѣпцовъ» Мэтерлинка, всегда и во всемъ окружала насъ...

По выходѣ изъ Шлиссельбурга Л. А. увидалась наконецъ со своимъ сыномъ, тогда уже студентомъ естественнаго факультета Петербургскаго университета, и духовная связь между ними оказалась сильна и глубока. Мужъ Л. А.—Александръ Александровичъ Волкенштейнъ, еще до суда говорившій ей, что въ случаѣ ссылки въ Сибирь послѣдуетъ за ней, исполнилъ это обѣщаніе теперь, и отправился на Сахалинъ, назначенный Л. А., какъ мѣсто поселенія. Тамъ въ портѣ Корсаковскомъ, представляющемъ лучшій пунктъ всего острова, онъ занялъ мѣсто врача въ больницѣ, а прибывшая туда моремъ Л. А. получила мѣсто фельдшерицы. Въ газетѣ «Наша Жизнь» отъ 26 января нынѣшняго года помѣщена теплая замѣтка г-жи Александровой о дѣятельности Л. А. на Сахалинѣ.

Эта жизнь была полна самоотверженія и активной любви къ ближнему. Обстановка Сахалина, съ его безправнымъ населеніемъ, жестокими нравами, презрѣніемъ администраціи къ человѣческой личности, давала полный просторъ для протеста противъ угнетателей и защиты угнетенныхъ, къ чему было такъ склонно сердце Л. А. Какъ должно было вліять на больныхъ ея участливое, мягкое отношеніе, можетъ составить себѣ понятіе всякій, кто только имѣлъ случай знать лично Л. А. Въ Шлиссельбургѣ были товарищи, которые считали, что обязаны ей своею жизнью. Такъ, С. А. Ивановъ, одно время почти обреченный на гибель вслѣдствіе кровотеченій горломъ, приписываетъ свое воскресеніе ничему иному, какъ сочувствію и нравственной поддержкѣ, которую во время болѣзни ему оказывала Л. А., нарочно переселившаяся къ нему въ сосѣдство, чтобъ черезъ стѣну оказывать ему дружескую помощь. Кто читалъ мемуары объ Алексѣевскомъ равелинѣ нашего дорогого товарища П. С. Поливанова, конечно, помнитъ трогательный образъ Н. Колодкевича, на костыляхъ подходившаго къ стѣнѣ, чтобъ нѣсколькими ласковыми словами утѣшить и развлечь Петра Сергѣевича. Короткій разговоръ черезъ бездушный камень раздѣлявшій двухъ узниковъ, погибавшихъ отъ цынги и одиночества, — былъ ихъ единственнымъ утѣшеніемъ и поддержкой. По признанію автора мемуаровъ, не разъ доброе слово Колодкевича спасало его отъ острыхъ припадковъ меланхоліи, толкавшихъ его къ самоубійству... И въ самомъ дѣлѣ ласковое

участіе въ тюрьмѣ творитъ истинныя чудеса, и если бы легкій стукъ въ стѣну не разрушалъ каменную преграду, раздѣляющую человѣка отъ человѣка, осужденный не имѣлъ бы возможности сохранить жизнь и душу... Не даромъ борьба за стукъ есть первая борьба, которую ведетъ узникъ: это прямо борьба за существованіе, и за нее, какъ за соломенку, безсознательно хватается всякій замурованный въ келью... Когда же наступаетъ моментъ, что осужденные на одиночное заключеніе могутъ встрѣтиться лицомъ къ лицу и замѣнить символическій стукъ живой рѣчью, то доброта души, воплощенная въ звуки голоса, ласковый взглядъ и дружеское рукопожатіе даютъ отраду, невѣдомую для того, кто не терялъ свободы. Въ этомъ отношеніи миссія и роль Л. А. въ тюрьмѣ была велика, и многія сердца навсегда запечатлѣли ея образъ и сохранятъ о ней горячее воспоминаніе, полное признательности... Въ Шлиссельбургѣ и на Сахалинѣ — она была одна и та-же—великая силой своей любви къ людямъ, полная благороднаго мужества и неуклонной стойкости.

Прекрасная душой, Л. А. обладала и красивой внѣшностью: она была довольно высокая, очень стройная... Темные, слегка вьющіеся волосы тяжеловѣсной косой падали на ея спину. Прекрасный цвѣтъ лица и мягкія славянскія черты съ бровями, проведенными широкимъ мазкомъ, хорошо очерченный ротъ и чудные сѣрые глаза, неотразимые въ минуты серьезности и грусти—вотъ ея портретъ въ лучшіе годы жизни въ Шлиссельбургѣ.

Л. А. убита 10-го января текущаго года во Владивостокѣ, гдѣ она жила послѣдніе годы по отъѣздѣ съ Сахалина. Одна изъ пуль, направленныхъ въ безоружную толпу манифестантовъ, среди которыхъ была и она, порвала ея жизнь. Она покоится въ землѣ на разстояніи 9 т. верстъ отъ того мѣста, гдѣ она мучилась и страдала, и гдѣ погребены тѣ, кто не перенесъ физическихъ и нравственныхъ тягостей нашей Бастиліи. Но одна и та же идея, идея свободы соединяетъ эти два отдаленные пункта, лежащіе на противоположныхъ концахъ нашей родины. Борьба, начатая одиночками, поднятая среди общаго молчанія организаціей, которая была сильна не числомъ, а лишь энергіей и готовностью погибнуть за общее благо, волнуетъ теперь все наше отечество отъ моря до моря и, быть можетъ, лучшей эмблемой единодушія русскихъ людей, стремящихся къ свободѣ, будутъ служить эти могилы: въ Шлиссельбургѣ съ одной стороны и во Владивостокѣ—съ другой. И если когда нибудь здѣсь и тамъ захотятъ почтить память погибшихъ, то памятникъ въ честь ихъ долженъ быть одинъ и тотъ же, и на немъ можно начертать одни и тѣ же слова:

„Погибшимъ—слава,
Живущимъ—свобода!“

В. Фигнеръ.

25 февраля 1906 г.